

К итогам Всемирного саммита

В марте 1995 г. в Копенгагене состоялась Всемирная встреча глав государств и правительств по проблемам социального развития, борьбы с бедностью и социальной несправедливостью.

Это, пожалуй, первый всемирный саммит, на котором обсуждались проблемы, традиционно исследуемые социологами. В данном номере мы публикуем впечатления В.О. РУКАВИШНИКОВА, члена редколлегии, участника научного симпозиума, проводившегося в рамках Всемирной встречи, и фрагмент выступления эксперта ЮНЕСКО проф. И. САКСА из Франции.

© 1995 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

ПОИСК НОВОЙ СТРАТЕГИИ МИРОВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович - доктор философских наук, действительный член Академии социальных наук и Нью-Йоркской академии наук. Наш постоянный автор

В первой половине марта 1995 г. в Копенгагене состоялась Всемирная встреча глав государств и правительств, посвященная проблемам социального развития, борьбы с бедностью, безработицей и социальной несправедливостью. В ней приняли участие официальные делегации из 184-х стран мира. Этот саммит, организованный ООН и другими международными организациями, следует рассматривать как важнейший элемент серии из восьми подобных встреч и конференций, проводимых в рамках Четвертой Декады ООН, посвященной проблемам мирового развития (1991-2000). Первый всемирный саммит, как известно, состоялся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро и был посвящен проблемам экологии. Следующий форум подобного масштаба запланирован ООН на май 1996 г. в Стамбуле. Он будет посвящен проблемам городов, в которых уже проживает более 3/4 населения нашей планеты.

Нужно сразу сказать, что на подготовку подобных форумов затрачивается множество средств и усилий дипломатов и чиновников международных организаций, экспертов. И хотя решения, принимаемые на таких встречах, имеют лишь характер рекомендаций, политических ориентиров, которыми надлежит руководствоваться при выработке конкретных мер как на наднациональном, так и на национальном уровнях, огромное значение имеет уже сам факт их проведения. Выбирая тему для очередной встречи, Организация объединенных наций указывает на проблемы, приобретшие общепланетарное значение, промедление с рассмотрением которых угрожает будущему всего человечества.

Объясняя причины, по которым ООН выбрала тему Копенгагенского саммита, Генеральный секретарь этой организации Бутрос Бутрос Гали сказал, что «мир страдает от социального и морального кризиса, который во многих странах приобрел огромные размеры. После окончания «холодной войны» на планете грозит воца-

рится «холодный мир». Во все большем числе стран наблюдается социальная и политическая нестабильность. Долгожданная социальная гармония, богатство и благополучие по-прежнему остаются мечтой там, где расширяются масштабы бедности, растут безработица и социальная незащищенность большинства населения».

Всемирная встреча — это не только обсуждение глобальных проблем и принятие резолюций на уровне официальных делегаций, возглавляемых высокопоставленными руководителями государств и правительств. Это множество мероприятий, в той или иной степени связанных с выработкой решений на глобальном уровне, такие как, например, форум неправительственных организаций; семинар, посвященный будущему богатых стран; «круглый стол», на котором обсуждалось то, как бедняки сами должны бороться с бедностью; встречи-дискуссии, посвященные механизмам финансирования участия граждан в социальном развитии, вкладу предпринимателей в социальный прогресс, созданию новых рабочих мест, положению женщин, пожилых, детей и инвалидов, конверсии и международной кооперации с целью обеспечения социального развития в зонах конфликтов, роли профсоюзов и парламентариев, библиотек и системы образования в обеспечении социального прогресса и многие другие, организованные различными международными институтами и объединениями при содействии министерств и ведомств Дании как страны, принимающей встречу на высшем уровне. По оценкам прессы, на саммит приехало около 20 тыс. человек, половину из которых составили чиновники международных организаций, занятые подготовкой резолюций и организацией разного рода мероприятий, включая названные.

Организуя широкий круг мероприятий в рамках саммита ООН, их организаторы стремились объединить усилия независимых ученых, экспертов, работающих на правительства и международные банки, политиков, бизнесменов, религиозных и профсоюзных деятелей и активистов из разного рода неправительственных организаций по осмыслению сложившейся в каждой конкретной стране или регионе ситуации в глобальном контексте. Доминантой происходивших дискуссий было понимание необходимости соединения усилий для смены курса и пересмотра стратегии мирового развития.

Пожалуй, в наибольшей степени это понимание проявилось на трехдневном симпозиуме, организованном совместно ЮНЕСКО, МОТ, ВОЗ, Комиссией Евросоюза, университетом г. Роскильд и рядом других организаций с целью обсуждения вопросов, вынесенных в повестку дня встречи на высшем уровне, и уточнения предложений, направленных названными международными организациями для обсуждения на саммите. В ходе подготовки к этому симпозиуму были проведены две региональные конференции - в Болонье (Италия) и Нью-Дели (Индия), что является еще одной иллюстрацией того, сколь большое значение придавалось международным сообществом Копенгагенской встрече. В симпозиуме приняли участие представители всех континентов и регионов планеты - ученые, работники международных организаций, эксперты Всемирного банка и представители правительственных структур; около 20 человек, в том числе автор этого материала, выступили с докладами на пленарных заседаниях.

Невозможно в кратком обзоре рассказать обо всех обсуждавшихся на симпозиуме вопросах. Рассматривалась, например, необходимость изменения стилей жизни и моделей потребительского поведения, обусловленная растущими социальными различиями как между странами Севера и Юга, так и внутри развивающихся стран, а также требованиями обеспечения экологически устойчивого развития планеты в целом. При этом отмечалась важность анализа того, каким образом изменяется характер использования времени (**И. Сакс**, Франция). Подчеркивалось, что сокращение рабочего времени в процессе научно-технической революции не только возможно, но и необходимо, особенно при отказе от императива обеспечения полной занятости как идеала и обязательного условия социальной, политической и экономической стабильности, на котором в течение нынешнего столетия настаивали социалисты. Иначе говоря.

разговоры велись о том, правы ли те, кто утверждает, что и сегодня, как и вчера, работать нужно всем, но работать меньше, или же можно допустить и оправдать ситуацию, когда часть населения будет не занята, но отнюдь не по причине отсутствия необходимых рабочих мест.

Если участники симпозиума из развивающихся стран (Сенегала, Марокко, Кении) рассматривали сокращение рабочего времени, скорее, как стратегическую перспективу, будучи в большей степени озабоченными вопросом создания новых рабочих мест, то представителей скандинавских стран волновало совершенно другое: каким образом и как быстро богатые государства смогут трансформироваться в «заботящиеся общества», каждого члена которых, независимо от того работает он или нет, государство должно будет обеспечивать «базовым доходом», позволяющим вести достойный человека образ жизни, а представителя Канады - какие новые подходы помогут улучшить систему здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Социальная политика и динамика неравенства доходов населения России были подробно проанализированы в докладе автора. Так, если верить Госкомстату, в 1994 г. доходы 20% состоятельных россиян в сумме составляли около 40% всех денежных доходов населения страны (на долю 20% бедняков приходилось около 8%).

Если в отношении достоверности данных нашей госстатистики сомнения более чем уместны, то едва ли стоит сомневаться в том, что в США, где с налоговым ведомством шутить не принято, в 1990 г. доля 20% богатых была равна 44,6%. Статистические коэффициенты показывают, что по основным структурным показателям неравенства населения по доходу Россия за последние три года рыночных реформ догнала США и заметно отстала от западноевропейских стран, где в последние 20 лет идет процесс сглаживания различий между различными слоями общества. У нас наблюдается противоположный процесс - глубочайшая и стремительно увеличивающаяся поляризация населения по душевому доходу, особенно явственно проявляющаяся в столице и крупных городах. В Москве, например, по данным Мосгорстата в конце 1994 г. доходы 10% «богатых» (разумеется, по русским меркам) в 50 раз превышали доходы 10% бедных. При этом, по расчетам, выполненным по официальным статистическим данным, более 40% совокупного денежного дохода жителей столицы находилось в карманах у менее, чем 4% москвичей. Нет сомнения, что подлинный доход действительно богатых россиян не нашел полного отражения в официальной статистике, и реальный разрыв в доходах между богатыми и бедными существенно больше. Поляризация российского населения сходна с положением в бедных странах Африки и Латинской Америки. Что ж, как подчеркивалось на симпозиуме, бедность и неравенство - прямое следствие государственной политики и идеологических принципов, исповедуемых властями предрешающими. Сомнений в справедливости данного тезиса никто не высказывал.

Заметим, что хорошо информированный английский еженедельник «Экономист» в анализе состояния мировой экономики, опубликованном в номере от 1 октября 1994 г., не без оснований объединил страны «третьего мира», восточноевропейские государства и республики бывшего СССР, как противостоящие «богатым промышленным странам», в одну группу под общим названием «развивающиеся страны». Как тут не вспомнить, что Советский Союз, по мнению западных экспертов, высказанному еще в 1960-х годах, был «среднеразвитой страной с плановой централизованной экономикой и тоталитарным коммунистическим режимом, обладающей термоядерными бомбами и ракетными средствами их доставки». Конечно, среди экс-советских государств Россия занимает особое место как страна, пока еще обладающая ракетно-ядерным потенциалом, способным уничтожить человечество. Это великая и нищая держава, ушедшая от коммунистического тоталитаризма, но не пришедшая к подлинной демократии, в которой сегодняшней месячной зарплаты русского профессора хватает лишь на то, чтобы оплатить одну ночь в дешевом западном отеле, что опять-таки не удивительно, ибо средняя месячная зарплата россиянина в долларом

эквиваленте составляет лишь несколько процентов от средней зарплаты трудящихся западноевропейских стран, а по величине среднего душевого дохода россияне прочно обосновались среди бедных африканских стран (на уровне Берега Слоновой Кости, Намибии и т.д.). Может, не столь уж не правы те, кто, иронизируя над постсоветской Россией, называет ее «Верхней Вольтой с ракетами»? Хотя, как говорится, «за державу обидно». Впрочем, в итоговых документах Копенгагенского саммита, призывающих увеличить международную помощь развивающимся странам на цели социального развития, понятие «группа развивающихся стран» трактуется как не включающее в себя «транзитивные экономики», к числу которых, безусловно, относятся и наша страна. Право, трудно сказать, хорошо это или плохо.

Какова роль различных акторов в социальных трансформациях, не следует ли отказаться от узкого, упрощенного понимания демократии (выборность Президента и органов законодательной власти) и перейти к более широкому и всеобъемлющему пониманию ее как способа самоорганизации всей общественной жизни? Эти вопросы ставились в связи с обсуждением новых форм социального партнерства и взаимодействия субъектов гражданского общества на разных уровнях (центральном, региональном и локальном). Очевидно, что данные вопросы наиболее актуальны для стран с переходной экономикой. Большинство участников симпозиума оценивали положение в России и странах СНГ как драматическое, связывая его напрямую с некомпетентностью правящих кругов. Тем более, что в ряде стран Восточной Европы реформы идут гораздо более успешным образом. Так, например, в Венгрии показатели неравенства по доходу вдвое меньше, чем в России (децильный коэффициент - отношение доходов 10% богатых к доходам 10% бедных по стране в целом - там равен 6-6,5 против 15 у нас в конце 1994 г.). В этой стране ниже уровень социальной напряженности, и незначительный размах имеют трудовые конфликты. Ласло Нети, политический комиссар Министерства труда Венгрии, показал, что важную роль в сравнительно более легком переходе венгерского и ряда других постсоциалистических обществ к западной модели общественно-экономического устройства играет «трипартизм» - практика постоянных консультаций и согласования интересов предпринимателей, государства и трудящихся, представленных профсоюзами.

Вопрос о социальной цене реформ непосредственно связан с вопросом о целях и направлениях политики преобразований - ведут ли реформы к восстановлению социальной справедливости, равенства, прав человека как фундаментальных ценностей, большей экономической эффективности и устойчивости окружающей среды? Иначе говоря, прогресс и развитие для кого и во имя чего? Сквозь призму такой постановки проблемы рассматривались центральные темы Копенгагенской встречи - борьба с бедностью, безработицей и социальной дезинтеграцией. Большую поддержку получила точка зрения, что неприменимы экономические и политические теории и основанные на них реформы, если ведут к расширению этих социальных бедствий. Ибо трудно не согласиться со словами Луи Эммери, советника Президента Межамериканского банка развития, о том, что «никто не сомневается в том, что в конечном счете, в долговременной перспективе, экономический рост приведет к достижению социальных целей и победе над бедностью, однако для этого потребуются время, равное жизни трех или пяти поколений, при этом жизнь людей в политически нестабильный переходный период будет невыносимо тяжелой. Поэтому экономический прогресс (российский эквивалент: «даешь рынок любой ценой») не может рассматриваться в качестве центральной или единственной цели реформ в отдельно взятой стране и тем более при выработке стратегии глобального развития».

По мнению французского ученого Игнасия Сакса, в системе целей новой стратегии мирового развития должны быть представлены мир, экономическое благополучие, экологическая безопасность, социальная справедливость и демократия. «Глобализация экономики и культуры», характеризуемая возрастающей взаимозависимостью стран,

общественных движений и методов принятия решений, должна принести пользу всему человечеству.

Поддерживая этот в целом правильный тезис, некоторые представители «третьего мира» указывали на усиливающуюся асимметрию отношений развивающихся стран с США и другими богатыми государствами Севера и, как следствие экономической зависимости, вестернизацию их политики и культуры. Они утверждали, что правительства национальных государств должны самостоятельно, а не под диктовку МВФ или Всемирного Банка, принимать решения, касающиеся будущего своего народа. Данное положение не противоречит стремлению мирового сообщества к выработке согласованного подхода к глобальным социальным проблемам. Наоборот, ясное осознание глобального масштаба проблем и выработка единых принципов и «правил игры», основанных на идеалах социальной справедливости и демократии, уважения человеческого достоинства, личной свободы и равных для всех прав и обязанностей перед обществом, должно помочь правительствам в выработке решений, направленных на борьбу с основными проблемами текущего десятилетия (бедностью, безработицей и социальной дезинтеграцией) на национальном уровне с учетом всего многообразия исторических условий и политической и социально-экономической обстановки в той или иной стране. Учитывая, что процесс вестернизации активно идет и в посткоммунистической России, с этим мнением, по-видимому, следует согласиться.

Как подчеркивали выступавшие на заседаниях симпозиума руководители ЮНЕСКО, представители других международных организаций (МОТ, ВОЗ и т.д.) и эксперт Всемирного Банка, вопросы, вынесенные в повестку дня Копенгагенского форума, являются предметом изучения всего комплекса социальных наук и не являются исключительной прерогативой экономики. Узко экономический подход при разработке социальной политики государств, обосновании действий международных финансовых организаций и стратегии мирового развития должен быть заменен на более широкий, в выработке которого социологическая наука призвана играть ведущую роль.